

ANNE D A R

ОБРЕЧЕННЫЕ
СТАТЬ ПЕПЛОМ

Книга 4

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

*...Теперь ты просто не можешь
позволить мне выиграть,
а я не могу позволить себе проиграть...*

Обреченные

Anne Dar

Обреченные стать пеплом

«Автор»

2019

Dar A.

Обреченные стать пеплом / А. Dar — «Автор»,
2019 — (Обреченные)

ISBN 978-5-532-97550-7

Жизни главных героев терпят перевероты, масштабы которых устрашают. Цена за ошибки настолько велика, что её вес ломает даже самых сильных: Таша теряет контроль над ситуацией, Дариан теряет контроль над собой, и чем дальше эти двое заходят в своих попытках обрести свободу или поработить свою цель, тем больше усугубляется их общее положение. И вроде бы со временем у Таши получается разорвать этот порочный круг, что даётся ей с невероятным трудом и немалой долей везения, однако достаточно быстро выясняется, что это лишь иллюзия, и то, что Таша успела сделать, как ей казалось, для общего блага, лишь осложнило ситуацию. Настолько, что всё обращается в настоящий кошмар. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-97550-7

© Dar A., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1.	6
Глава 2.	9
Глава 3.	11
Глава 4.	14
Дариан.	16
Глава 5.	17
Глава 6.	20
Глава 7.	23
Глава 8.	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Anne Dar

Обреченные стать пеплом

Загляни в мои глаза глубже
И увидь в них мою правду.
Я сожму свои клыки туже,
Чтобы не пугать тебя сразу.

Видишь ты во мне светочь,
А хочу, чтоб видел правду.
Разменять меня нельзя на мелочь,
Повод полюбить тебя дай мне.

Не сожму твоей ладони просто,
Не дождешься от меня улыбки,
Если хочешь сеять в сердце просо,
Приготовься пожинать убытки.

Загляни в мои глаза еще раз,
И ответить попытайся честно:
Будешь счастлив, если будем порознь
Или счастье твое будет пресно?..

Anne Dar

Глава 1.

Голос, звучащий внутри моего подсознания, принадлежит Изабелле. Я раскрываю глаза, чтобы увидеть её. Она стоит напротив меня, на расстоянии вытянутой руки, и её правой ладони остаётся всего каких-то пару сантиметров, чтобы коснуться моего левого плеча. Мы уже виделись с ней, совсем недавно, и я удивлена нашей повторной встрече, но не она. Она словно знала, что этот момент наступит. Я вдруг вспомнила нашу предшествующую этому моменту встречу. В прошлый раз она оборвалась в момент, когда Изабелла произнесла слова: “Ещё увидимся”.

Я резко заглянула в глаза своему видению. “Вот и встретились”, – не улыбаясь, внезапно произносит Белла, всё ещё держа руку у моего плеча. Подумав, что она хочет взять меня, чтобы увести с собой, я поднимаю свою правую руку, чтобы коснуться её, но Белла вдруг произносит: “Рано. Встретимся через семь десятилетий. Придёшь вместе с ним. А его ребёнка оставь здесь, ему пока ещё не место с вами. Я за ним присмотрю”.

Сказав это, Белла быстро дотронулась своей ледяной ладонью низа моего живота и резким движением поднятой правой руки врезалась в моё левое плечо. Моё тело вдруг отяжелело и начало падать в противоположную от Изабеллы сторону. Левое плечо словно насквозь пронзила сотня раскалённых игл, и, падая назад, будто выпадая из белоснежной сферы обратно в чёрную, я увидела, как из моего живота, из которого внезапно начало исчезать всё имеющееся в нём до сих пор тепло, лентой исходит золотистый поток, простирающийся прямиком в ладонь Изабеллы.

Боль была невыносимой, но я не смогла издать ни звука, словно моё горло заполнил тяжёлый свинец, мгновенно загустевший и превратившийся в непробиваемую пробку. На мгновение я увидела синий и красный цвета, и красивое мужское лицо, которое было ко мне совсем близко. В мои уши резко и больно ударил вой сирены, и мой взгляд соскользнул с неизвестного мне лица на белоснежный ворот рубашки, после чего утонул в пучине чёрного-чёрного пиджака...

Мой приход в сознание продлился всего одно короткое мгновение. Затем наступила ночь, сквозь пелену которой я иногда слышала далёкий вой сирены и ощущала невыносимую боль. Я стояла посреди поля, по колено в тёмно-зелёной траве, и всматривалась в чёрно-фиолетовое грозное небо, нависшее над моей головой, мечтая о золотистом свете, оставшемся вместе с Беллой за чертой этой черноты, в которой я вынуждена была стоять в одиночестве.

Я уже не была “там”. Но всё ещё не присутствовала и “здесь”. Я была “на границе”.

Звуки сирены из “нижнего мира” постепенно начали становиться всё глуше и глуше, и вскоре совсем умолкли. На поле наступила крошечная тишина. Ещё несколько секунд я давилась этой тишиной, пытаясь кричать то ли от нестерпимой боли, то ли из-за неожиданно образовавшейся внутри меня пустоты, но, даже сгибаясь пополам и едва ли не выплёвывая лёгкие в порывах крика, я так и не услышала собственных воплей. Я не услышала вообще ничего. А потом чёрные небеса всей своей массой обрушились на меня, и я вдруг перестала чувствовать и физическую, и душевную боль. Кажется, они меня убили...

Когда в следующий раз я начинаю приходить в себя, я изнемогаю от разливающегося в моих ушах звона. Мне приходится ещё некоторое время лежать неподвижно, в надежде, что звон уймётся, и мои надежды оправдываются: вскоре звон начинает перетекать в прерывистый, монотонный писк. Мне понадобилось ещё несколько секунд, чтобы поморщиться при мысли, что так пищать может только электрокардиограф, отсчитывающий и выводящий на экран кривую зелёную линию моего сердцебиения. С этим прибором я была знакома давно...

Давно...

Раз есть сердцебиение, значит есть и жизнь. Я решила приоткрыть глаза, чтобы проверить её наличие.

Первое, что я вижу – это до боли знакомая спина. Дариан выходит в дверь слева, и мне безумно хочется его окликнуть, чтобы он оглянулся, чтобы посмотрел на меня, чтобы вернулся, чтобы никуда не уходил... Чтобы мне было не так страшно. Но я лишь беззвучно шевелю губами, и он, так меня и не услышав, даже не обернувшись, выходит в дверь, оставляя меня одну.

По щекам скатываются первые слёзы, я начинаю задыхаться и вдруг понимаю, что в мой рот вставлена широкая пластмассовая трубка, а к обоим моим рукам подключено по одной капельнице. Я всё ещё пытаюсь выкрикнуть имя Дариана, мысленно допрашивая саму себя о том, что именно со мной произошло. Писк электрокардиографа, следящего за моим сердцебиением, учащается, и я пытаюсь поднять руки, чтобы помочь себе встать, но вдруг понимаю, что мои запястья привязаны эластичными ремнями к перилам койки. Паника накатывает мгновенной волной. От страха я начинаю задыхаться, писк сердцебиения уже зашкаливает, как вдруг в дверь входят двое мужчин в белых халатах. Почему-то их вид вызывает во мне ещё больший испуг, отчего я начинаю буквально биться своим неожиданно отяжелевшим телом о матрас, как вдруг за спинами докторов появляется Дариан. Его и без того огромные синеголубые глаза распахнуты так широко, что я едва не тону в их глубине, хотя, может быть, ощущение утопления в тот момент у меня было вызвано неожиданным приступом удушья.

Я хочу умолять Дариана, чтобы он отогнал от меня этих страшных людей в белых халатах, но мой язык отказывается ворочаться у меня во рту.

В момент, когда один из докторов зачем-то освобождает моё правое запястье от ремня, я, с невероятными усилиями, но резко, поднимаю освободившуюся тяжёлую руку, чтобы при её помощи освободить вторую, и, прежде чем люди в белых халатах успевают отреагировать, выдёргиваю из своего левого предплечья сразу две иглы. В этот момент кто-то резко хватает мою освободившуюся руку и с силой прижимает её к матрасу. Я оборачиваюсь и понимаю, что это Дариан. Он выдёргивает из моего сжатого кулака трубки с иглами от капельниц, и в этот момент один из мужчин в белом вводит в моё левое предплечье, в одну из страшно вздувшихся вен, иглу непостижимо больших размеров (во всяком случае в тот момент игла казалась мне просто огромной). На сей раз у меня хватает сил, чтобы вскрикнуть от боли, но мой возглас скорее похож на непродолжительный отчаянный писк, чем на вопль сопротивления.

Я вновь поворачиваю голову в сторону Дариана и вдруг встречаюсь с ним взглядом.

Он помогал людям в белых халатах, а не мне!.. Он был на их стороне, помог им побороть меня!.. Предатель!.. Я хотела прокричать ему в лицо это слово, но мой язык всё ещё отказывался функционировать, а моя голова вдруг внезапно отяжелела и врезалась в подушку.

Я ещё несколько раз попыталась оторвать затылок от поверхности подушки, но моя шея никак не могла выдержать вес головы. И вдруг я поняла, что Дариан пытается что-то сказать мне. Вернее, он говорил мне что-то – определённо говорил! – но я не слышала ни единого его слова. В ушах вновь страшно звенело и его голос никак не мог прорваться до меня сквозь этот звон. Я сдвинула брови и попыталась сосредоточиться, чтобы помочь ему быть мной услышанным, но ничего не получалось. И вдруг я поняла, что мои веки опускаются против моей воли. Единственное, что я смогла сделать, это в последний момент сфокусироваться на его быстро шевелящихся губах. В какой-то момент Дариан начал гладить меня по голове и его губы оказались достаточно близко к моим глазам, чтобы я смогла примерно догадаться, что именно он хотел до меня донести. Кажется, он говорил мне всего три слова: “Всё будет хорошо”. А потом – я была уверена в этом – вдруг добавил: “Твоей жизни ничего не угрожает”.

Он лгал. Осознанно или нет – не важно. Он не мог быть наверняка уверенным на этот счёт – это ведь жизнь. Тем более моя.

Мои веки окончательно отяжелели и в моём мире вновь наступила ночь. Больше лицо Дариана я не видела. Но ещё некоторое время я чувствовала огонь его сильных пальцев, сплетённых с моими, холодными и хрупкими, словно тёплые лучи майского солнца запутались в замёрзшем декабрьском тростнике.

Глава 2.

Я скорее очнулась, а не проснулась. Словно внезапно дёрнула невидимую ручку в уголке своего подсознания и вышла наружу из чёрной комнаты. Я шла на голос Дариана, грубый и бросающий в дрожь: “Мне всё равно, как вы найдёте подонка – откопайте из-под земли, но доставьте его мне в руки!.. Я собственноручно убью этого ублюдка...”

Наконец приоткрыв глаза, я увидела Дариана стоящим в противоположном конце палаты ко мне спиной и разговаривающим по телефону. Я интуитивно положила руку на живот, но ничего не почувствовала. На секунду мне показалось, что мой пресс онемел, но я практически сразу поняла, что это самообман.

По-видимому различив моё шевеление, Дариан обернулся, и в этот момент наши взгляды скрестились. Его был растерянным, мой же широко распахнутым.

– Таша... – он подошёл к изножью моей койки.

– М-м-м... – я не смогла заговорить сразу, из-за боли в грудной клетке, которая, как я догадывалась, никак не была связана с моим физическим состоянием. – Не говори мне... – я сжала тонкое одеяло в области своего живота. Я находилась всё в том же “полусидячем” состоянии, в котором пришла в себя в первый раз. – Позови доктора... – изо всех сил зажмурилась я, чтобы сдержать приступ подступивших к глазам слёз. – Пусть он скажет... Пусть кто-нибудь скажет... Позови же...

Я раскрыла глаза только после того, как услышала, что Дариан покинул палату. Чтобы притупить душевную боль, я начала причинять себе физическую, до боли кусая нижнюю губу и сжимая кулаки так сильно, чтобы мои короткие ногти могли с силой впиться в мои ледяные ладони.

Доктор вошёл в палату меньше чем через минуту. На вид ему было не больше сорока пяти лет и выглядел он так, как может выглядеть только переполненный сочувствием мужчина, каждую пятницу наверняка выпивающий по литру пива, чтобы хотя бы на один вечер отрезвиться ото всех тех страданий, которые ему приходится лицеизреть на своей любимой работе.

У доктора в руках была твёрдая папка небесного цвета, в которой, как вскоре выяснилось, пряталась история моего физического состояния.

– Что со мной? – подождав несколько секунд, наконец полушёпотом спросила я.

Прежде чем заговорить, доктор тяжело выдохнул, словно пытался взять себя в руки.

– У Вас сотрясение головного мозга третьей степени, серьёзный вывих левого плеча, ушиб большей части левой стороны туловища, особенно пострадала нога... Так же на вашем теле множество царапин и гематом различной степени тяжести. В случаях, подобных Вашему, люди зачастую лишаются способности двигаться или какой-нибудь части тела и даже жизни, Вы же, если так можно выразиться, отделались лёгким испугом.

Я молчала, чувствуя, как к моим глазам подступают слёзы.

– Это всё? – подождав несколько секунд, неожиданно осипшим голосом поинтересовалась я, будучи уверенной в том, что о самом страшном вслух ещё не сказано.

Посмотрев на мою руку, сжимающую одеяло на животе, доктор вздохнул ещё тяжелее, чем в первый раз.

– Вы потеряли ребёнка... Но это ещё не всё... – чтобы не смотреть мне в глаза, мужчина уставился в свою папку. – Выкидыш прошёл сложно... Из-за обильного кровотечения мы Вас едва не потеряли и нам пришлось сделать переливание крови... Возникли некоторые последствия... – здесь он помолчал подольше. – Есть вероятность, что вы больше не сможете забеременеть...

Моё сердце замерло... Всё даже хуже, чем я думала?.. Нет. Всё не может быть *так* плохо...

Наши взгляды с доктором пересеклись.

– Каковы прогнозы? – я уже хрипела, а не сипела, с горечью ощущая, что до моей первой слезы остались считанные секунды.

Время пошло.

– Поймите, в случаях, подобном Вашему, уже чудо то, что Вы не просто выжили, но не получили серьезных повреждений... – прошло пять секунд. Доктор вновь пересёкся со мной взглядом, после чего понял, что тянуть больше не сможет, да и нельзя. – Один процент против девяносто девяти... Это значит...

– Что я никогда не смогу стать матерью... – одними губами произнесла я, почувствовав на них соль горячей воды, хлынувшей из моих глаз неконтролируемыми потоками. – Кто об этом знает?..

– Все ваши близкие... – внезапно перешёл на полусшёпот доктор и вдруг добавил. – Но только о выкидыше... О его последствиях для вашей репродуктивной системы мы пока ещё не говорили...

– Никому не говорите, – закрыла правой ладонью свой дрожащий рот я.

– Хорошо, – уверенно согласился доктор, едва уловимо кивнув головой.

Он и вправду никому не скажет, я в этом не сомневалась, как и была уверена в том, что *всё* о моём состоянии уже знает как минимум один человек. Дариан всегда всё знает. Иначе он не был бы собой.

Я лежала повернув голову влево, чтобы не смотреть на Дариана, сидящего справа от меня. Рассматривая холодную стену, я пыталась дышать ровно, игнорируя льющиеся из глаз слёзы. Прошло пять часов с момента моего разговора с доктором и наступила ночь – начало первого часа. Не смотря на мою просьбу никого не впускать в мою палату, полчаса назад Дариан всё-таки решил наплевать на моё желание. Когда он вошёл, я задала ему один-единственный вопрос, ответ на который, наконец, пролил свет на происходящее.

Машина, на которой я ехала, оказалась заминированной. Механизм взрывного устройства был настроен на момент, когда стрелка спидометра превышала отметку в сто километров в час. Однако что-то пошло не так и механизм сработал с гораздо меньшей силой, чем та, на которую он был рассчитан. Кем рассчитан? Стивен Эртон желал отомстить Дариану за то, что тот забрал у него возможность меня заполучить, после чего успешно довёл его акции до обнуления, чем буквально разорил его. Предполагалось, что за рулём этого Porsche должен был находиться именно Дариан. Бомба была рассчитана на него. Впрочем, как сказал Дариан, стрела достигла цели. Если бы взрывной механизм сработал на полную мощность или на встречной полосе ехал бы другой автомобиль, или ещё много-много других “незначительных” моментов, и я могла, нет, должна была умереть. Впрочем, *кое-кто* всё-таки не выжил... Об этом мы молчали.

Дурацкие личные счёты. Бомба замедленного действия. И, как всегда, пострадал тот, кто, в неведении, находился в зоне поражения взрывной волны, а не *те*, кто этот механизм, осознанно или нет, привёл в действие.

Я не могла смотреть на Дариана. Не могла ему ничего сказать. Поэтому я плакала на стену.

Глава 3.

Утром приходили мама с папой, остальных я не пожелала видеть. Мы помолчали, мама несколько раз назвала меня “деточкой”, я один раз сделала вид, будто у меня есть аппетит, но уже спустя час попросила их оставить меня “отдыхать”, и попросила передать остальным, чтобы не приходили. На самом деле я не хотела, чтобы меня видели в таком состоянии, но ссылаюсь именно на желание “отдохнуть”.

О каком отдыхе могла идти речь? Я просто смотрела в потолок и проваливалась во времени между сменой капельниц. Мне хотелось сдохнуть, но это запрещалось. Что мне оставалось?..

Во второй половине дня пришёл Дариан. Я как никогда не хотела с ним общаться. Поэтому я сразу же притворилась спящей и продолжала притворяться на протяжении последующих пяти часов. Было несложно, так как мне было откровенно всё равно: лежать ли с открытыми глазами или с закрытыми. Сдохнуть одинаково хотелось и так, и так.

Дариан прекрасно понимал, что я притворяюсь. Уже спустя час он произнёс это вслух, но я лишь едва уловимо повела ноющим плечом и продолжила играть роль коматозницы. Еще спустя четыре часа мне пришли ставить капельницу, но я так и не раскрыла глаз. Тогда, подождав ещё пять минут после ухода медсестры, Дариан поднялся, поцеловал меня в лоб и ушёл. Но глаза я всё равно не раскрыла. Только из-под плотно сомкнутых век потекли неконтролируемые потоки воды.

Я проснулась. Я ещё не раскрыла глаз, но ощутила, что снова жива, после чего, от разочарования, едва вновь не провалилась в сон, как вдруг мой слух уловил шаркающий звук, который в итоге и заставил меня “выглянуть” в реальность. Мне пришлось буквально заставить себя открыть глаза, и когда я это сделала, я увидела как на тот самый стул справа от меня, на котором недавно сидел Дариан, усаживается незнакомый мне парень. Он не заметил моего пробуждения, поэтому у меня было несколько секунд форы, чтобы его хорошенько рассмотреть. Высокий, заметно выше меня, но точно не выше Дариана, широкие плечи и мощная спина (под фланелевой светлой пижамой наверняка пряталось атлетическое тело спортсмена), густые, чёрные, словно смоль, волосы средней длины с пробором посередине выглядели очень красиво.

Удобно расположившись на стуле, незнакомец подкатил к себе поближе капельницу с которой явился, и я узнала звук движущихся колёсиков, которой несколькими секундами ранее и вывел меня из сна. Капельница была прикреплена к правому предплечью парня. Выходит он, как и я, пациент?..

Наконец гость посмотрел на меня и мы сразу же встретились взглядами. Тёмно-голубые глаза, широкие скулы, светлая кожа, на фоне которой контрастно отливала чернота его волос – он был красив, но я его не знала. Или знала?.. Неожиданно у меня возникло ощущение, будто я его уже где-то видела, но где именно – вспомнить не могла. Мой котелок варил слишком лениво, чтобы сильно напрягаться относительно подобных вопросов, да и в целом относительно всего вокруг меня происходящего.

– Разбудил? – замерев, поинтересовался парень.

Красивый голос, красивая внешность и всё же он, в отличие от меня и Дариана, не казался мне испорченным пороком красоты.

– Сколько тебе лет? – неожиданно спросила я, сама не зная почему и совершенно не отдавая отчёта себе самой в своём вопросе.

– Двадцать шесть, – задумавшись лишь на секунду, невозмутимо ответил он.

– Двадцать четыре, – я приподняла палец, на котором был закреплён пульсометр.

– Вот и познакомились, – улыбнулся гость.

Я замерла, смотря на его едва оголившиеся белые зубы и ямочки на щеках. От этого человека словно исходил свет, тёплый и непрерывный. “Человек-Тепло”, – пронеслось у меня в голове, после чего я почему-то вновь подумала о том, как этот парень не похож на нас с Дарианом. Дариан “Человек-Пламя” – испепеляющий до костей, я “Человек-Холод” – пробирающий до костей, а этот... Он был именно “Человеком-Теплом”, этакой золотой серединой, возле которой не жарко и не холодно, возле которой можно согреться и не сгореть, как заживо сгоришь рядом с Дарианом.

Он определённо был не из нашего с Дарианом мира крайностей. Пылать так пылать – это было про нас, но не про него. Мы с Дарианом: чрезмерность, пыл, шторм в океане... Он же: умеренность, тепло, тихая гавань... С такими я не вожу знакомств. Я для таких слишком плохая, чтобы им ко мне приближаться, а они для меня слишком хорошие, чтобы мне их портить. Так откуда у меня ощущение, будто я могу знать этого человека?

– Ты кто? – наконец поинтересовалась я, начав обращать внимание на общее состояние парня: гематомы на оголённых участках тела, в том числе и на шее; несколько царапин, одна из которых легонько прошлась по правой щеке; красиво рассечённые правая бровь и уголок нижней губы; перебинтованные левое предплечье и правое запястье... И всё же, не смотря на то, что незнакомца где-то откровенно потрепало, он всё равно выглядел воодушевляюще, тем более на фоне моего хренового состояния.

– Ты обгоняла мою машину, когда произошёл взрыв, – парень повёл очевидно беспокоящим его правым плечом. – Твой автомобиль вынесло в кювет и перевернуло, но перед этим ты задела крыло моей машины, из-за чего меня снесло в противоположную сторону. Это я вытащил тебя из твоей машины, а ещё через несколько минут возле нас остановилась проезжавшая мимо семейная пара, которая и вызвала медицинскую помощь. Они прибыли спустя четырнадцать минут. Повезло, что взрыв бензобака произошёл не сразу, и я успел оттащить тебя достаточно далеко от пылающей машины.

Я нахмурилась и вдруг начала вспоминать. Это лицо я видела в красно-синем свете мигалок, а ещё я видела ворот его белоснежной рубашки и его чёрный костюм... И всё равно меня не покидало ощущение, будто я ещё прежде где-то видела этого парня, и его удачная попытка спасти меня из огня здесь ни при чём.

– Судя по твоему внешнему виду, тебе здорово досталось, – продолжила хмуриться я.

Странно, но Дариан мне об этом человеке ничего не рассказал, хотя и казалось, будто когда он рассказывал мне о произошедшем, он буквально по полочкам разложил передо мной каждую деталь, приведшую меня в эту койку.

– Царапины, ссадины, лёгкая хромота и трещина ребра, – обезоруживающе спокойно улыбнулся мой гость. – Ничего серьёзного. И, кстати, тебе сделали переливание моей крови.

– Пффф... Ну это уже слишком, – едва не улыбнулась я, но, по-видимому, забыла, как это делается. – Буду должна тебе до конца жизни?

– Должна?... Ты о чём? Ты выжила и не покалечилась, а это главное, – гулко выдохнув, оторвал от своего колена руку парень.

Не знаю почему, но от его слов мне вдруг стало тепло. Будто где-то в глубине меня зажёгся настолько миниатюрный светлячок неумолимо тающей восковой свечи, что его и разглядеть-то было невозможно. Наверное, я просто забыла, каково это – быть никому не должной, даже в случае, если тебе жизнь спасли.

– Ты тащился на своём ягуаре, словно черепаха.

Клянусь, на одно мгновение я вдруг улыбнулась.

– Зато ты на своём порше летела быстрее Ночной Фурии*, – оголил ровные зубы парень, и я перевела взгляд на потолок (*Редкий вид драконов в полнометражном анимационном фильме производства студии «DreamWorks Animation»).

Когда в следующий раз я посмотрела на своего гостя, я вдруг поняла, что мы промолчали четверть часа, но никого из нас это не смутило. Это было странно и, возможно, даже приятно, но в последнем я не была уверена наверняка.

Глава 4.

Кошмары, уже давно не мучавшие моё подсознание, вернулись. Только вместо двух, в которых я менялась местом с Джереми или, заточённая в смятой машине, захлёбывалась кровью Изабеллы, теперь мне являлось сразу три сновидения. В третьем я вновь и вновь взрывалась в перевёрнутой машине, вновь и вновь ощущая, как жизнь, помещенная в мою утробу, покидает меня. Это было слишком реалистично и слишком пугающе, чтобы мой электрокардиограф мог пропустить клокотание моего взбешенного после пробуждения сердца.

...Мои родственники оказались даже более лояльными, чем я могла на то рассчитывать. Моё условие: “Один день – один посетитель”, – работало почти с завидной исправностью. Впрочем, они всё равно приходили в паре, но не более того. Накануне приходили отец и мама, сегодня же явились Пандора с Генри. И это заставило меня напрячься. Кто из родственников меня мог навестить кроме них? Миша всё ещё пребывала в лечебнице, Айрис осуществляла свадебное путешествие в одиночку. Оставались только Пени и Хьюи. Те самые люди, которые растолкали бы локтями и родителей, и, тем более, Пандору с Генри, лишь бы увидеться со мной, но этого до сих пор так и не произошло – по какой-то причине я с ними всё ещё не виделась. Это заставляло меня впадать в подозрительность, но на мой вопрос о том, где пропадают эти двое, Пандора быстро ответила, что они навелят меня завтра, после чего поспешно сменила тему. Странно...

Остаток времени мы проговорили о некой Грете Олсопп. Вернее, говорил в основном Генри, а Пандора ему поддакивала, пока я молча слушала, пытаясь сфокусироваться на новой информации и суметь порадоваться за Генри хоть как-нибудь. Думаю, что именно “хоть как-нибудь” порадоваться у меня в итоге и получилось.

Грета Олсопп работала старшей медсестрой в реабилитационном центре, в котором проходила лечение Мия. Она была немкой британского происхождения, на десять лет младше Генри, и собиралась переехать к нему из Берлина уже на следующей неделе – настолько у них всё было серьёзно, не смотря на то, что их “тайным” отношениям было всего пять месяцев от роду.

Пандора с Генри ушли, оставив меня обдумывать новость о том, что внезапно помолодевший Генри, оказывается, по-тихому обзавёлся подружкой, но не прошло и часа, когда ко мне в палату вошли трое мужчин в полицейской форме. Старший из них представился и сказал, что хочет со мной “обсудить обстоятельства моего попадания в больницу”.

Уже спустя каких-то пять минут я вдруг осознала, что меня не просто допрашивают – на меня давят, словно я не пострадавшая сторона, а соучастница преступника: известно ли мне, что именно произошло и кто за этим стоит?.. кто такой Стивен Эртон?.. как давно я с ним знакома?.. когда мы в последний раз встречались?.. являлись ли наши отношения более, чем просто *дружескими*?..

Мои слова о том, что между мной и Эртоном не было и быть не могло никаких взаимоотношений, словно проходили сквозь полицейских, ни на секунду не цепляясь за их ограниченные умы. Иначе я никак не могла объяснить, почему допрашивающие меня люди в форме продолжали настаивать на том, что мы с Эртоном были “близки”. В итоге всё дошло до такого абсурда, что, от силы злости и обиды, я перестала соображать, и вместо того, чтобы отвечать на сыплющиеся на меня вопросы грубоватого полицейского, немо боролась с подступившими к глазам слезами, обеими руками изо всех сил сжимая покрывающее мои ноги одеяло.

– Мисс Палмер, Вы должны отвечать на наши вопросы, если хотите избежать серьёзных разбирательств... – вдруг начал говорить третий полицейский, до сих пор молчавший и тупо записывающий каждое моё слово в свой небольшой блокнот, но он остановился на полуслове, так и не озвучив до конца своё предупреждение.

– Что за театр абсурда здесь происходит?! – буквально прогремел Дариан, появление которого, по-видимому, и заставило полицейского умолкнуть преждевременно.

Дрожа от обиды и злости, я не оторвала взгляда от своих побелевших кулаков, чтобы посмотреть на вошедшего. Я просто продолжила тщетно стараться сохранить своё шаткое самообладание.

Не прошло и полминуты после появления Дариана, как он буквально выдворил за пределы палаты всех трёх полицейских, пригрозив им серьёзными последствиями, в суть которых, всё ещё продолжая сжимать зубы, я не стала вникать.

Когда спустя несколько секунд он вернулся, я всё ещё была вне себя от нахлынувших на меня эмоций.

У Дариана были разногласия со Стивеном Эртоном – не у меня. Дариан обесценил его акции и тем самым разорил – не я. Так почему от этого пострадала я? Разве их разногласия, месть и прочая ересь стоила зародившейся во мне жизни?.. Стоила того, чтобы впоследствии я никогда не смогла стать матерью?..

Меня трясло. Дариан остановился у изножья моей койки, словно не решаясь подойти ко мне ближе.

– Таша... – едва уловимо выдохнул он.

– Знаешь, – начала я сквозь слёзы и хлюпанье носом, – я думала, что никогда с тобой не смогу рассчитаться... – я вытерла лицо ладонью, стараясь не намочить слезами прикреплённый к указательному пальцу пульсометр. – Я ошибалась.

– Я уже давно освободил тебя от того долга...

– Как только я забеременела от тебя, я помню. Что ж, теперь я с чистой совестью могу считать, что целиком и полностью рассчиталась с тобой... Думаю, что жизнь нашего ребёнка была дороже пятисот тысяч и... – я хотела сказать “и потерянная мной способность произвести новую жизнь”, но моих душевных сил не хватило на этот последний порыв и в итоге я окончательно разревелась. От услышанного спина Дариана выпрямилась, словно натянулась струна, и, кажется, он сделал полшага вперёд. Испугавшись того, что он захочет ко мне подойти, я начала говорить сквозь слёзы, продолжая реветь в свои ладони. – Уходи... Не приходи ко мне... Оставь меня в покое...

Говоря эти слова, я надеялась на то, что Дариан, как и всегда, наплюет на моё мнение и мои желания, в которых я никогда не разбиралась, когда речь заходила о нас. Я хотела, чтобы он подошёл ко мне, обнял так крепко, чтобы я почувствовала себя живой, и, возможно, чтобы поцеловал меня хотя бы в голову... Чтобы он не уходил вчера и сегодня, и чтобы пришёл завтра... Чтобы он повёл себя со мной так, как мог себе позволить только Дариан Риордан... Но он этого не сделал.

Спустя полминуты, услышав приглушённый звук закрывшейся двери, я отстранила залитые слезами ладони от заплаканного лица. Я осталась одна.

Снова.

Дариан.

Я подхожу к своей машине, а в моей голове в десятый раз за прошедшие несколько минут звучат мои же слова, сказанные Таше совсем недавно, но уже кажется, будто целую вечность назад:

“Тебе нужны гарантии. Безопасность и для тебя, и для нашего ребёнка, – шептал я, сплетаясь той ночью своим дыханием и пальцами с её. – Я предоставлю тебе всё... Отдам тебе всё, что ты только пожелаешь, и даже больше. Ты будешь самой защищенной. Даже от меня. Ни тебе, ни ребёнку никто не навредит. Особенно я. Отныне ты ничего мне не должна – ни цента, ни минуты. Ты полностью свободна. Позволь мне быть рядом с тобой... Рядом с вами. Я сделаю всё, чтобы ты стала счастливой. Даже исчезну из твоей жизни (в этом я осознанно солгал). Разреши мне остаться, – просил я, хотя и был уверен в том, что её разрешение мне было не нужно и было необходимо одновременно. – Таша, разреши... – я уже даже не шептал, я просто шевелил губами”.

В ту ночь я думал, что разрешит мне Таша или нет – она всё равно будет рядом со мной, что такова её судьба, но тогда мне хотелось, чтобы она думала, будто принимает решение самостоятельно. Это было необходимо для её спокойствия и спокойствия ребёнка, которого она носит.

Носила...

Всё было ложью. До сих пор я даже не подозревал, что могу лгать так масштабно. Ей, себе и, главное, нашему неродившемуся ребёнку...

Сейчас, идя по пустой парковке, я мог думать лишь о том, чего не предотвратил, что наделал. И это было не меньшей моей ошибкой, которую я осознаю лишь со временем. Мне стоило думать о том, что я делал в этот момент и что ещё только должен был предотвратить. Во второй раз за всю свою жизнь я был сбит с толку. Думай я в этот момент о происходящем, а не о произошедшем, и Таша ни за что бы не потерялась. Но я заиклено думал не о том...

Поэтому, в итоге, с нами случилось то, что случилось.

Глава 5.

Хьюи и Пени пришли после обеда, и пробыли со мной до позднего вечера. Пожалуй, это было первое посещение моих родственников, получившееся непринуждённым. Хьюи, надеющийся вскоре окончательно избавиться от костылей и перейти на трость, от которой он планировал отойти уже к Рождеству, рассказывал о своих небольших, но значительных достижениях в ежедневных спортивных тренировках, о нежных отношениях с Эми и её трёхлетней дочерью Бонни, о пока ещё туманных планах на будущее, которое он неожиданно всерьёз связал с кондитерской деятельностью. Пени же, как бы это парадоксально не звучало, в основном молчала. Она пару раз обмолвилась о Руперте и детях, рассказала о сломанной посудомоечной машине и тайком выпитом Пандорой бурбоне, однако она неожиданно стала тише самой себя, что заставляло меня подозревать нечто, о чём я никак не могла догадаться, хотя на уровне ауры и улавливала необъяснимые изменения внутри своей внезапно замкнувшейся сестры.

Когда Хьюи принял решение возвращаться домой и, взяв костыли и попрощавшись со мной, отправился к выходу, Пени, сидящая справа от моей койки, не двинулась с места. Это сразу заставило моё сердце замереть.

В момент, когда Хьюи закрыл за собой дверь, я перевела свой внимательный и изучающий взгляд на сестру. Что именно она хочет мне сказать? С ней определённо что-то происходит... Поникшая, словно виноватая, и оттого подавляющая некое скрытое от меня торжество...

Всё встало на свои места уже спустя несколько секунд.

Представляю, каково ей было говорить мне о своей третьей беременности, с учётом перенесённого мной на днях выкидыша. Интересно, как долго Пени скрывала бы от меня этот факт, узнай она о том, что после случившегося я уже никогда не смогу попытаться счастье в материнстве?... Родила бы ребёнка в тайне и незаметно внедрила бы его в нашу семью?..

Пени узнала о наступившей беременности сразу после моего выкидыша, что, очевидно, и вызвало в ней волну необоснованной вины. Она была на втором месяце беременности, ребёнок должен появиться на свет уже в конце января. На момент рождения этого младенца Рэйчел уже будет шесть лет, а Барни три года. Идеальный возрастной разрыв между детьми, не смотря на то, что третья беременность, в отличие от первых двух, была незапланированной. Наши родители в восторге от грядущего пополнения в рядах их внуков, родители же Руперта, всю жизнь вынужденные довольствоваться одним-единственным сыном, кажется окончательно потеряли рассудок лучезарной перспективы всю оставшуюся им жизнь проняньчиться сразу с тремя внуками. Все были на пределе счастья. И я тоже.

Уходя от меня, заметно повеселевшая Пени не сомневалась в моей искренней радости относительно её грядущего материнства. Не сомневалась в ней и я. Жаль только, что уже спустя минуту после ухода сестры, я ощутила на своих губах соль от потоков воды, заливших моё лицо.

Незадолго перед крушительными для меня событиями последних месяцев Амелия сказала мне: "...Картинка накладывается на картинку... Должен родиться один ребёнок, но его словно перекрывает собой второй, которого нет..."

Ребёнок Пени обязательно родится. Это увидела Амелия.

Возможно ли, что нашему с Дарианом ребёнку с самого начала не суждено было появиться на этот свет?... Даже если это так и всё было предрешено с самого начала, могла ли я предотвратить катастрофу?... Могла ли исправить предначертанное?... Не могла или... Ничего не предрешено – мы сами пишем свои судьбы.

Какая же страшная это была ошибка... Непростительная.

...Ни для меня, ни для него.

– Привет, Двадцать Четыре, – сквозь скрип катящейся рядом с ним капельницы, улыбнулся мне неожиданный гость.

– Здравствуй, Двадцать Шесть, – отозвалась я без особого энтузиазма, так как часы уже почти показывали полночь, и мои слёзы перестали катиться из глаз лишь полчаса назад. И всё же я не была против компании этого гостя. Даже подыграла ему, приняв свой возраст за имя и назвав парня его же возрастом.

– Не против? – Двадцать Шесть аккуратно тащился со своей капельницей к креслу справа от моей койки. Я была не против, но ощущала себя слишком скверно, чтобы сказать об этом. – У тебя много родственников. Не всем так везёт.

– У тебя их не так много? – подождав мгновение, предположила я, сама не заметив того, что начинаю с лёгкостью поддерживать беседу с незнакомцем.

– У меня из родственников только тётка – младшая сестра отца. Больше никого нет.

– Значит, круглая сирота?

– Я себя таковым не считаю, – поджал губы Двадцать Шесть. – Как ты себя чувствуешь? Прежде чем ответить, я пару секунд помолчала.

– Отвратительно, – коротко произнесла я, даже не осознав, что впервые за последние несколько дней не соврала, произнеся о своём самочувствии вслух. И это произошло в разговоре не с близким мне человеком, а с человеком, вместо имени которого я называла числительные, и о котором я знала лишь то, что из родственников у него имеется только младшая сестра его отца.

Бред.

– И это пройдёт, – мудро заметил мой собеседник, в ответ на моё “отвратительно”.

– Куда ты ехал тем вечером? – спустя несколько секунд необременяющего обе стороны молчания заинтересовалась я, продолжая смотреть в потолок болящими и наверняка покрасневшими от слёз глазами.

– Я ехал от своего знакомого, живущего в ***, – едва повёл очевидно беспокоящим его плечом парень, назвав город, в котором жили Риорданы.

– Я тоже ехала от своего знакомого, живущего в этом городе, – спокойно ответила я.

– Дариан Риордан, – сдвинул брови Двадцать Четыре.

– Раз в курсе ты, значит в курсе и другие, – сквозь сжатый выдох заметила я.

– Если ты имеешь ввиду СМИ – ты ошибаешься. Об этой ситуации в новостях не сказано ни единого слова.

– Что ж, по-видимому Дариан замял шумиху, – с едва ли уловимым облегчением произнесла я.

Наступило молчание, которое, к моему удивлению, продлилось целых двадцать минут, ни секунда из которых не показалась для кого-то из нас неловкой или тяжеловесной. Наконец я почему-то решила посмотреть на своего гостя и повернула в его сторону голову. До этого смотревший на стену перед собой, парень, не двигаясь, метнул на меня взгляд.

– Я ещё не поблагодарила тебя за то, что ты вытащил меня из машины.

– Брось.

– Ты мог погибнуть.

– Едва ли я об этом думал.

– И благодарю за кровь, которую ты пожертвовал для меня.

– Ещё что-нибудь?

– Возможно я должна извиниться за то, что наши автомобили столкнулись...

– По-моему, ты серьёзно преувеличиваешь. Тебе определённо стоит легче относиться к некоторым вещам. У тебя слишком уж завышенное чувство долга. Из услышанного я бы даже

сделал вывод, что оно у тебя гипертрофированное. С чего ты вдруг взяла, что ты всем вокруг должна?

И в правду, с чего вдруг? Это его выбор – спасти меня из взрывоопасной машины, как и его выбор пожертвовать для меня свою кровь. Я об этом его не просила. Больше никаких долгов. Просто жизнь, сотканная из моих собственных выборов и выборов кого-то со стороны. Кого-то, чья линия судьбы в определённый момент пересечётся с моей.

Ещё раз посмотрев на Двадцать Шесть, я откинулась затылком на приподнятую подушку и, в полусидячем положении, с закрытыми глазами, попыталась научиться дышать без боли в грудной клетке, где-то в области всё ещё бьющегося, пусть и рывками, сердца.

Не всё сразу...

Я вновь посмотрела на своего гостя. Словив на себе мой взгляд, он вдруг тихо улыбнулся мне, словно я только что застала его за наивной детской игрой, не подходящей для взрослого мужчины.

Интересно, о чём он думал?.. Его тёмно-голубые глаза могли бы мне, наверное, рассказать о его мыслях, но не сегодня. Сегодня я всё ещё была слишком убитой, чтобы воспринимать пульс чужой жизни.

Глава 6.

Нат пришла навестить меня в состоянии распалённой злости. Первое, что она сделала: потребовала от меня держать ответ за моё нежелание принимать больше пары гостей в сутки. Она была далеко не в восторге от того, что, прежде чем попасть ко мне в гости, ей пришлось пропустить моих родителей, Пандору с Генри, Пени с Хьюи и растолкать локтями вторую волну жаждущих повидаться со мной родственников. Отвоевав сегодня у моих родителей право на встречу, она сидела напротив меня со скрещенными руками и ногами, и буквально исходила жаром. Можно сказать, что именно поведение Нат заставило меня впервые после произошедшего резко вернуться во внешний мир.

– Нат, я не знала, что тебя может так задеть моё желание побыть наедине с собой...

– Ты даже не подумала, – дую свои пышно накрашенные красные губы, проворчала огне-волосая. – Дело даже не в тебе, – неожиданно резко призналась она. – Этот Байрон!.. – Нат остановилась на полуслове, в злости прикусив нижнюю губу и ещё сильнее сжав скрещённые на груди руки. – У тебя ведь выкидыш произошёл, верно?

– Верно, – невозмутимо ответила я, не понимая, как это связано с Байроном.

– Мне никто об этом не говорил, но это очевидно, с учётом того, в какой замес ты попала, да и по лицу твоей матери можно всё понять. И на фоне произошедшего с тобой, в момент наиболее неподходящий, Байрон заводит со мной тему о том, что хочет детей, представляешь?! – возмущению рыжеволосой не было предела. – Мне всего двадцать семь, понятно?! Я до сих пор так и не увидела Гранд-Каньон, не научилась рисованию по стеклу и не сделала татуировку на пояснице! У меня столько незавершённых дел – какие могут быть дети?! И потом, говорить о подобном в момент, когда моя лучшая подруга пережила выкидыш... – Нат с негодованием встряхнула головой. – Мы ведь ещё даже не поженились!

– По-моему, всё просто. Если ты ссылаешься на незавершённые дела, ты должна понимать, что таких дел у Байрона, возможно, нет. Если же ты ссылаешься на возраст, тогда вспомни, что Байрону тридцать два, а это едва ли не идеальный мужской возраст для создания семьи. Он уже многого добился, имеет уважаемую должность, собственный большой дом и дорогой автомобиль. Вполне нормально, что теперь он хочет взять на себя ответственную ношу мужа и отца. Иначе зачем ему брать тебя в жёны? Если же ты к этому не готова, то только потому, что ты боишься, а не потому, что ты слишком молода, или потому, что у тебя слишком много планов на ближайшее будущее. И, кстати, нормально и то, что он заговорил с тобой о детях в момент, когда узнал о... – я запнулась. – Произошедшем со мной. Он просто хотел показать тебе, что он позаботится о тебе куда лучше, чем Дариан обо мне.

Сказав это я замолчала, после чего в воздухе повисла наэлектризованная десятисекундная пауза.

– Это что, сейчас было обвинение? – наконец прервала молчание Нат.

Прежде чем ответить, я хорошенько взвесила свой ответ.

– Нет одного виноватого. Мы оба виноваты. То, что между нами было... Оно того не стоило.

В ответ на моё умозаключение Нат хмыкнула и начала раскачиваться на стуле взад-вперёд.

– Во всяком случае, я не собираюсь заводить детей, – наконец выдала она. – Пока не собираюсь. Что же касается тебя... Могу лишь сказать, что у тебя ещё будут дети. Прости, но не знаю, какими ещё словами тебя можно подбодрить в этой дикой ситуации.

Я прикусила губу, ощутив, как комок боли медленно поднимается по моему горлу прямо к нёбу.

– Ничего. Не нужно меня подбадривать.

– Потому что у меня это никогда особо не получалось? – с грустью ухмыльнулась огне-волосая.

Я промолчала. То ли из-за того, что это, отчасти, было правдой, то ли из-за резкой душевной боли, заткнувшей мне горло.

Спустя полчаса после ухода Нат, темнокожая медсестра лет сорока, до сих пор ежедневно выходявшая при мне на ночное дежурство, вытащила из моей опухшей вены очередную капельницу, но не сменила её новой. Она заметила, что за те дни, что я провела в больнице, я почти ничего не ела и ещё ни разу не ходила в туалет по-большому. Этот вопрос, судя по красноречивому взгляду медсестры, мне стоило срочно решать.

Полежав ещё пять минут после ухода медсестры, я сбросила с себя тонкое одеяло и аккуратно спустила ноги с койки. Мгновенно вспомнились слова доктора: “У Вас сотрясение головного мозга третьей степени, серьёзный вывих левого плеча, ушиб левой стороны туловища, особенно пострадала нога, а также на вашем теле множество царапин и гематом...”.

Разглядывая огромный синяк, расплывшийся от середины икры до колена, я впервые заподозрила, что в течении следующих нескольких недель гематомы на моём теле будут отнюдь не худшим напоминанием о произошедшем. И о том, что я не ошибаюсь, мне стало понятно уже спустя несколько секунд, когда я попыталась встать на ноги.

Доктор не преувеличивал, когда говорил, что моя левая сторона пострадала больше правой. Отойдя от лёгкого головокружения и минутного помутнения перед глазами, я, продолжая держаться за изножье койки, попыталась выпрямиться. В итоге мне понадобилось ровно двадцать три минуты, чтобы добраться до туалета, заставить себя сходить по-большому и вернуться обратно к койке. В эти двадцать три минуты со стороны я наверняка выглядела как зомби: левая нога волочится, вывихнутое и благополучно вправленное левое плечо болтается на нашейной подвязке, а скорость передвижения не превышает больше пятидесяти сантиметров в десять секунд. Убогое зрелище.

Остановившись у койки и вновь взявшись за её изножье, я решила отдышаться, прежде чем вернуться назад под одеяло. В конце концов, пролежать шесть дней без единой попытки подняться на ноги – это слишком. Особенно для человека, привыкшего к ежедневным утренним пробежкам и прочим полезным извращениям. И о чём только думали доктора, когда решили не предпринимать попыток меня поднять? Наверное о моём сотрясении мозга третьей степени или о хреново закончившемся для меня выкидыше, повлекшем переливание крови... Иначе я никак не могла объяснить себе их спокойное отношение к лежащему пластом пациенту.

Впрочем, я не злилась. На эмоции не оставалось сил – почти все они были растрчены на поход в туалет. Закрыв глаза, я, опираясь на правую ногу, убрала руки от изножья койки и, слегка запрокинув голову, дотронулась обеими руками ноющего низа живота. Он был пуст. И я чувствовала эту пустоту всем своим существом.

Дверь позади меня скрипнула, и я успела повернуться прежде, чем в палату вошли. Это был Двадцать Шесть.

С облегчением выдохнув, я села на край своей койки так, чтобы мои ноги свисали. Дариан сегодня так и не пришёл, и от этого мне было легко, и тяжело одновременно. Ещё вчера мне было бы просто тяжело, а уже завтра мне вдруг станет легче, чем сегодня, но об этом я не могла знать заранее.

– Без капельницы, – заметила я. – Она ужасно скрипела.

– Избавился от неё ещё утром.

– Вот как?

– Просто выбросил в окно.

Я улыбнулась.

– Выглядишь лучше, – спустя пару секунд заметила я.

– Да уж куда лучше тебя. Ты что, ходить пыталась?

– Пыталась.

– И как?

В ответ я лишь красноречиво поморщила носом.

– Ладно, я, пожалуй, присяду, – вздохнул Двадцать Шесть и обошёл кровать, чтобы занять привычный стул.

Решив, что спиной будет неудобно разговаривать, я забросила ноги на койку и, прислонившись к подушке затылком, накрылась одеялом.

– Далеко лежишь? – продолжила наше общение я.

– В соседней палате.

– Оу... Это ближе, чем я думала.

– Думала, что я тащусь к тебе через всё больничное крыло, минуя внутренний двор, и всё это без лифта? – ухмыльнулся парень.

– Хах... Ирония? Неплохо.

– На самом деле, я бы приходил к тебе чаще и раньше, чем в полночь, вот только нет желания встречаться с кем-то из твоих родственников. Я слышал, что родственники – это в принципе тяжёлый народ.

– Зачем ты вообще приходишь?

– Как же! Я проверяю сохранность моей кровушки.

– Ты что, только что назвал меня гемаконом*? – прищурилась я.

(*Гемакон – пакет для крови).

– Донорство – это ведь всё равно, что поместить слиток золота в банковскую ячейку...

– Эй! Прекрати... – из моей грудной клетки вдруг вырвался смешок.

– Или как законсервировать компот...

– Пффф... По-моему, у тебя весьма специфическое видение относительно донорства.

– Это потому, что я родом с острова Мэн, а там у всех весьма специфическое видение мира.

– Остров Мэн? Серьёзно? Я бы могла думать, что ты испанец.

– Только если из-за цвета волос. Так-то я слишком бледный, как для испанца.

– И ты всю жизнь прожил на Мэне?

– Нет. Но я там родился. Позже мы переехали в Белфаст, там и прошла большая часть моего детства. Но каждое лето я неизменно посещаю родные места Мэна.

– Значит, ты не рос в детском доме?

– Оу, нет. Моя мать умерла вследствие несчастного случая, когда мне было девять, а отец неожиданно скончался шесть лет назад, так что я избежал участи блуждания по приёмным семьям.

– Прости за отсутствие такта. Соболезную.

– Ничего. У каждого в жизни есть моменты, от которых по коже пробегает холодок.

– Ты же не собираешься спрашивать о моих?

– Нет-нет-нет... – замахал руками Двадцать Шесть. – Оставь-ка своё при себе. Судя по всему, у тебя скелетов в шкафу слишком много, чтобы суметь всех их скрыть, так что давай я лучше подожду, пока они начнут вываливаться из шкафа самостоятельно, а потом уже обсудим все эти косточки.

Я заулыбалась. Неужели он и вправду хотя бы на секунду подумал о том, что сможет дожждаться момента, когда двери моего шкафа рухнут под натиском времени? И всё же мой ночной гость оказался достаточно прозорливым, чтобы разглядеть ту огромную массу костей, которая тихо и неподвижно хранилась за железобетонными воротами мрачного склепа моей души.

Глава 7.

Мои кошмары не просто вернулись ко мне – они эволюционировали. В какой-то момент в них становилось так много красного цвета смешанного с чёрным, что я переставала различать границы между каждым из трёх сновидений. Красный переходил в бордовый, бордовый в чёрный и вскоре вся эта чернота превращалась в большую зияющую дыру, являющуюся мне символом моей внутренней пустоты. Всё, что со мной когда-то случилось, осталось в прошлом, но отняло у меня достаточно, чтобы пробить серьёзную брешь в моей душе.

Я ожидала прихода родителей, и они пришли. Пришли и ушли. А вот прихода Ирмы я никак не ожидала, и уходит она явно не собиралась. Да и с чего бы? Она пришла всего лишь пару минут назад, так что, по-видимому, в итоге мне самой придётся её прогнать.

– Ты ведь сама знаешь, что Кристофер с Джиной и их мальчишками отправились в путешествие, так что прийти смогла только я. Знаешь, я могу приходить к тебе каждый день. После дополнительных занятий в “Мустанге”, например, у меня куча свободного времени, – девчонка тараторила, нервно вытаскивая из пакета свежие фрукты и раскладывая их на тумбочке. – И вообще я думаю завязывать со всей этой самодеятельностью в виде репетиторства, которым я не заинтересована. Пустая трата денег и времени. Будто мне их некуда девать, эти деньги и время!.. Кстати, в июле я хочу съездить на Гавайские острова, а первую половину августа провести где-нибудь во Флоренции или Барселоне. Правда хорошая идея? Буду тратить деньги налево и направо, куплю себе парочку новых телефонов, а то мои нынешние – прошлый век, хотя им только и полгода от роду, но ты ведь знаешь, как быстро развиваются современные технологии: не по дням, а по часам. Нужно будет забронировать номера. Ты, конечно же, поедешь со мной. Тебе необходим отдых, так что я планирую оторваться по полной...

– Ирма, – твёрдо произнесла имя девчонки я, после чего та мгновенно умолкла. Я решила, что её слова, сказанные мне в самом начале нашего знакомства, наилучшим образом обрисуют дальнейшее развитие наших отношений. – Ты, должно быть, хочешь знать, как будут складываться наши отношения. Ты мне не подруга и никогда ей не станешь. Ты – обслуживающий персонал, и я даже имени твоего знать не должна. Всё, что от тебя требуется – это исполнять мои прихоти.

Глаза Ирмы округлились. Она узнала себя. Для убедительности я помолчала ещё несколько секунд и, удовлетворённая своеобразным шоком девчонки, указала пальцем на дверь и добавила совершенно бесцветным тоном:

– А теперь уходи. И не возвращайся.

* * *

Выйдя из палаты, Ирма поправила белоснежный халат на своих плечах. Таша не догадалась о том, что она всё знает. Естественно только из своих собственных догадок, но знает. Об отношениях Таши с Дарианом она заподозрила ещё до того, как нашла на заднем сиденье автомобиля Дариана смятую в шарик инструкцию по применению явно просроченных противозачаточных таблеток. Именно благодаря этой находке она первой, а не Дариан, догадалась о беременности Таши. Реакция же Дариана, когда она высказалась о подобной вероятности, была ровно такой, какой она и ожидала её увидеть. Сомнений не оставалось – у Ирмы скоро должен был родиться племянник.

...Но он не родится.

Идя медленным, покачивающимся шагом по длинному белоснежному коридору, освещённому неоновыми лампами, Ирма думала о том, что в очередной раз потеряла близкого человека. Они с Дарианом снова останутся вдвоём. Впрочем, только на год. Потом она поступит в университет и уедет куда-нибудь подальше от Британской земли, отобравшей у неё так много (она даже не подозревала, как много ей дала эта земля).

...Таша не согласилась поехать с ней на острова или в Европу, хотя она и не заикалась о том, что Дариан поедет с ними. Сейчас Ирме даже думать не хотелось о том, как уже спустя час её брат воспримет новость об этом отказе. Ведь это была его идея.

* * *

Ирма не сказала ни слова о Дариане. Намеренно? Возможно. Хотела ли я услышать о нём? Нет. И всё равно я сразу заметила, что о нём не сказано ни слова. Прозвучи о нём хоть какая-то информация, пусть даже вскользь, я бы точно так же мгновенно это отметила, как и отсутствие его упоминания. В этом я уверена.

...Мне нужно время...

Двадцать Шесть пришёл в момент, когда я, словно столетняя черепаха, расхаживалась по своей палате, пытаясь научиться менее заметно хромать на левую ногу. Родители принесли мне мою фланелевую пижаму, а перед этим одна из медсестёр помогла мне принять душ, так что сейчас я могла бы чувствовать себя вполне бодро, если бы только не чувствовала себя мёртвой.

– Выглядишь получше, – окинув оценивающим взглядом мою пижаму в тёмно-синюю клетку, заметил Двадцать Шесть.

– Да и ты уже почти не хромаешь, – отозвалась я, оттолкнувшись рукой от подоконника.

– А ну-ка пройдишь, – сдвинул брови парень.

Я сделала несколько шагов в его направлении. Двадцать Шесть, прислонив указательный и большой пальцы к подбородку, безжалостно быстро оценил мою походку.

– Думаю, тебе стоит больше ходить, – красноречиво поведя бровями, предложил мне свой рецепт от хромоты он.

Я с ним согласилась.

Мы прошли два больших круга вокруг моей палаты и уже завершали третий, когда у меня вдруг кольнуло в левом плече, и я, поморщившись, оперлась ладонью о стену.

– Всё нормально? – мгновенно отреагировал Двадцать Шесть.

– Да... Но, кажется, ещё один круг будет лишним.

– Хорошо. Тогда пойдём в палату... Ты это слышишь?

Я прислушалась. Нет, я определённо ничего не слышала. Возможно, я слишком громко дышала, чтобы иметь возможность расслышать хоть что-то кроме своего kloкочущего сердцебиения.

– Нет, ничего...

– Подожди, я сейчас вернусь.

Сказав эти слова, Двадцать Шесть вернулся на три метра назад по коридору и завернул налево, после чего его шаги вскоре заглохли.

Поразительно, как легко он воспринял мой ответ относительно того, что со мной всё в порядке. Даже оставил одну посреди коридора. Что это?.. Моим словам относительно моего самочувствия ещё никогда не доверяли с такой лёгкостью. Выходит, это доверие? Дорогая это вещьца...

Хотя я и начинала переживать из-за продолжительного отсутствия своего провожатого, однако я не успела закончить свою мысль о ценности доверия, когда он вдруг вышел из-за поворота, держа в руках два одноразовых стаканчика коричневого цвета.

– Ты когда-нибудь пила горячие напитки из больничных автоматов? – подойдя ко мне вплотную, поинтересовался Двадцать Шесть.

Отстранившись от стены, я заглянула в дымящиеся стаканчики в его руках.

– Уж поверь мне, мной выпито достаточно этого пойла, отчего сейчас бы я даже поморщила носом, но, судя по всему, ты взял лимонный чай, а так как я уже неделю не пила чай, сейчас я более чем просто заинтригована. С сахаром?.. – я заинтересованно посмотрела на приятеля.

Он был лишь на полголовы выше меня, но этого было достаточно, чтобы смотреть на него снизу вверх, тем более с учётом того, что я горбилась из-за тяжести всё ещё беспокоящего меня левого плеча. Благо руку всё ещё фиксировала повязка.

– С сахаром, – утвердительно кивнул Двадцать Шесть.

– Замечательно, – уверенно кивнула головой я.

Наверное, со стороны могло показаться, будто мы обсуждаем весьма серьёзный и нешуточно сложный план побега из этого заведения, но на самом деле мы просто собирались выпить горячий лимонный чай. И это была хорошая идея. Ничего криминального.

Зайдя в карман, расположенный в нескольких метрах от моей палаты, мы сели возле окна на мягкий диван, обтянутый экокожей. Здесь освещение было более тёплым, чем в коридорах, да и парочка внушительных живых пальм в глиняных горшках сглаживали больничную обстановку, так что я чувствовала себя достаточно уютно, чтобы, взяв из рук Двадцать Шесть свою порцию сладкого лимонного чая, на секунду забыть о том, что после полуночи лучше воздержаться от напитков. Ну или преждевременно посетить уборную, чтобы позже не вскакивать ни свет ни заря. Впрочем, скорее всего мои “законы” относительно жидкости были связаны лишь с тем, что за прошедшие сутки я успела влить в себя три литра жидкости, из-за чего лишь недавно перестала “зависать” в туалете.

– О чём думаешь? – вдруг поинтересовался Двадцать Шесть, прервав меня на полумысли.

– О мочевом пузыре, – не задумываясь выдала правду я.

– Хочешь в уборную?

– Нет, но на что спорим, что захочу?

– Не будем спорить – я тебе и так верю.

– Хм...

– Что? – заинтересованно посмотрел на меня сверху вниз Двадцать Шесть.

– Ты о чём? – утопила непонимающий взгляд в своей порции чая я.

– Вот это твоё “хм”. Что это значит?

– Думаю, что ты в принципе склонен к доверию, и я здесь ни при чём.

– Но вдруг я с лёгкостью поверил только тебе?

– С чего бы вдруг?

– Не знаю, – пожал плечами Двадцать Шесть. – Но я говорю о том, что ты не можешь делать выводы относительно моего доверия, не увидев, как я общаюсь с кем-то кроме тебя.

– А ты общаешься с кем-то кроме меня?! – я наигранно-удивлённо посмотрела на собеседника, хотя у меня это и получилось не так бодро, как я бы того хотела.

– Хах. Ирония. Неплохо, – ухмыльнулся Двадцать Шесть. – А впрочем, знаешь, ты попала в точку. Я общаюсь только с тобой. Меня вообще не существует. После столкновения наших автомобилей мне повезло меньше тебя, и я скончался на месте. И теперь мой мятежный дух еженощно приходит к тебе, так как может поддерживать связь с внешним миром только около полуночи и только через тебя.

– О нет! В моих жилах течёт кровь призрака!

– Именно поэтому только ты меня и видишь!

– Но зачем тебе общаться с этим миром?! У тебя ведь даже родственников нет! А вдруг ты вообще не призрак?..

– А кто же?!

– Вампир! И являешься только ночью лишь потому, что солнечный свет тебе противен!

Мы не выдержали и расхохотались прежде, чем Двадцать Шесть придумал очередной безумный ответ в продолжение самого бредового диалога в моей жизни. Он смеялся так сильно, что в какой-то момент случайно расплескал на свою рубашку немного чая, что заставило меня подавиться очередным приливом смеха. И всё же мне стало легче, когда я узнала, что у него в запасе имеется ещё одна рубашка.

Глава 8.

Я просыпаюсь с внезапно отяжелевшей, словно налившейся свинцом головой. Рядом со мной никого нет, и это, почему-то, меня удивляет. Часы показывают шесть часов утра, и это удивляет меня ещё больше, так как я почему-то уверена в том, что сейчас должно быть не меньше трёх часов дня.

Почувствовав дискомфорт в беспокоящем меня левом плече, я хочу поправить своё предплечье, но оно вдруг отказывается подниматься. Я с замиранием сердца бросаю взгляд на свои руки и осознаю, что они привязаны к поднятым перилам койки. Какое-то время я не могу понять что происходит и что мне нужно сделать, чтобы освободиться, как вдруг я замечаю большую и незнакомую мне красную кнопку, закреплённую рядом с моим правым запястьем. Недолго думая, я нажимаю на неё.

Прошёл день. Никого из моих родственников ко мне не пропустили. В этом я так же уверена, как и в том, что они наверняка пытались сегодня прорваться к мне. Что именно произошло и как из моей жизни выпало по меньшей мере восемнадцать часов, я не помнила. Доктор сказал, что у меня случился нервный срыв. Подробностей он мне не рассказывал, а я не расспрашивала, не желая вдруг услышать о том, что накануне я что-нибудь разгромила или, например, расцарапала лицо какой-нибудь миловидной медсестре... Кстати, где та темнокожая медсестра, которая интересовалась моими походами в туалет?.. И всё же я не стала спрашивать о подробностях именно из-за страха. Я боялась, что доктор расскажет мне что-то страшное, что-то, что заставит меня думать, будто я начинаю сходить с ума. Для меня это будет слишком тяжело. Моя жизнь и так один сплошной психоделический триллер, не хватало ещё, чтобы у меня и это отняли. Я хотела оставить себе хотя бы незначительный контроль над собственной жизнью. Смирительной рубашки я точно не переживу – лучше сразу пулю в голову. И всё же... Что-то ведь должно было вызвать приступ? Он ведь не мог случиться спонтанно? Или это было не что-то, а...

...Нет, ничего не помню...

Я не стала спрашивать доктора сразу, а позже было уже поздно.

Тот факт, что мои руки освободили немедленно после моего пробуждения и моего ответа на вопрос доктора о том, как я себя чувствую, не мог меня не воодушевлять. Если бы люди в белых халатах сочли меня свихнувшейся, едва бы они развязали мне руки. И всё же, обретя эту маленькую свободу, но заметив, что медсестра стала навещать меня регулярно один раз в час – раньше это случалось не больше восьми раз в сутки, и-то из-за регулярных смен капельниц – я старалась вести себя тихо. Не требовала пропустить к себе родственников, без уговоров со стороны съела весь завтрак и обед, ужин смыл в унитаз, чтобы не вызвать у медсестёр беспокойства относительно моего отвратительного аппетита, профессионально делала вид, будто читаю сборник стихов зарубежных поэтов, которые передала мне Амелия, иногда и вправду вчитываясь в рифмованные строчки... В общем, была паинькой, не смотря на то, что моя аура была явно обесцвеченной: ноль эмоций.

И всё же проведённый в одиночестве день дал о себе знать. Тем более этот день – дата, выбитая сразу на двух гранитных камнях, без учёта камней душевных.

...Раз я провела большую половину вчерашнего дня под действием снотворного (или успокоительного – не суть), выходит мы с Двадцать Шесть не виделись накануне. Он приходил только по ночам, после того как медсестры становились менее бдительными, и внезапные гости не могли вмешаться в наши встречи. Исходя из этого можно сделать вывод, что наша встреча не изгладилась из моей памяти. Её просто не было: мы точно не виделись больше суток. Значит, Двадцать Шесть придёт сегодня. Я была уверена в этом так же наверняка, как и в том,

что до полуночи оставалось ещё два часа. И всё же мне слишком опостылело на протяжении целого дня строить из себя прилежную пациентку, поэтому, сразу после того, как медсестра поставила мне вечернюю капельницу и сказала, что придёт её снять спустя час, я, дождавшись её ухода, спустилась со своей койки и, катая рядом капельницу, направилась к выходу, по пути не забыв посетить уборную. Более-менее расчесав свои взъерошенные волосы, я устала в зеркало. Хорошо, что медсестра, помогавшая мне позавчера мыться, посоветовала уложить мои волосы пенкой, благодаря чему я теперь выглядела так, словно только что вышла от стилиста-парикмахера. Однако мои волосы были единственным, что спасало мой внешний вид. Бледная, почти синюшная кожа, синяк под левой скулой, ещё один у нижней губы, намёк на синяк над бровью и пара синяков под глазами (подобные зачастую бывают у людей, страдающих регулярным недосыпом). Казалось, что я вся стала почти синей, за исключением внезапно бордовых губ. Не исключено, что на моё отражение в зеркале ещё влияло далеко не самое лучшее освещение, но об этом я не задумывалась, поэтому сейчас всерьёз считала себя на вид едва ли не утопленницей. И всё равно меня это не остановило от задуманного похода.

Выйдя из своей палаты, я, прихрамывая, отправилась к двери палаты, расположенной справа от моей. Мне оставалось всего каких-то пару шагов, когда где-то вдалеке за моей спиной раздался знакомый женский голос.

– Эй, деточка, куда ты собралась?!

Я обернулась. Знакомая мне темнокожая медсестра, имя которой я до сих пор так и не удосужилась прочесть на её бейдже, стояла в конце коридора и странно махала мне рукой.

– Я в гости! – крикнула я изо всех сил, и хотя получилось как-то вяло, я была уверена в том, что она меня услышала.

Сделав последние два шага, я дважды постучала костяшками пальцев в дверь и, не дожидаясь ответа, открыла её.

– Эй!.. – удивлённо-радостно воскликнул Двадцать Шесть, увидев меня прежде, чем я увидела его. Его койка, в отличие от моей, располагалась слева, поэтому я сначала замешкалась.

– Решила тебя навестить, – поджала губы в скупой улыбке я, сделав три шага вперёд.

Двадцать Шесть, вставший со своей койки с завидной для меня ловкостью, подошёл ко мне, и в этот самый момент дверь за моей спиной открылась.

– Мисс Палмер, Вам следует вернуться к себе...

– Не стоит, – приподнял руку Двадцать Шесть. – Я за ней присмотрю.

Пока мой союзник взял на себя обеспокоенную медсестру, я взялась за изножье его койки и, обойдя её, села на край, зажав штатив своей капельницы между колен.

– Вы уверены? – с недоверием переспросила у моего знакомого медсестра.

– Конечно уверен, – я не повернулась, чтобы увидеть, но я слышала, как Двадцать Шесть улыбнулся и, держу пари, сделал это весьма лучезарно. – Можете за неё не переживать, Бетти.

Значит, Бетти? А ведь мы с ним находились здесь одинаковый промежуток времени. Однако имя этой постоянной медсестры из нас двоих знал только он...

И всё же, знающие меня люди могут сказать, что это не удивительно.

– Не ожидал тебя увидеть, – признался Двадцать Шесть, как только Бетти закрыла за собой дверь.

Я осмотрелась. Палата моего знакомого была определённо лучше моей. Стены выкрашены в нежно-бежевый вместо белого оттеняющего синим, как это было у меня, крупный плазменный телевизор, мягкий диван, стеклянный стол с лежащими на нём глянцевыми журналами, элегантный платяной шкаф, резная прикроватная тумбочка, постель застелена подомашнему уютным покрывалом.

– Гостиничный номер, а не больничная палата, – криво ухмыльнулась я.

– Вообще-то, твоя палата тоже люкс-класса.

– Я тоже так думала, пока не увидела твою, – продолжала ухмыляться я.

– Просто мне выдали последнюю свободную палату в шесть звёзд. Тебе же досталось пять. Смирись.

– И почему же шесть звёзд досталось именно тебе?

Действительно любопытный вопрос. Ведь Дариан наверняка сделал всё, чтобы мне досталась лучшая палата, так почему не эта?

– Хороший вопрос, – сев слева от меня, поджал губы Двадцать Четыре.

– Просто ты богатенький, – предположила я.

– Хотя я и не миллиардер, всё же я могу позволить себе пару недель люкса в больнице.

Просто для справки: на фоне Дариана Риордана я беден, словно церковная мышь, – задорно ухмыльнулся мой знакомый, но мне впервые не передалось его задорство. Я не ожидала услышать из его уст имя Дариана, но что-то мне подсказывало, что не неожиданность, а именно само прозвучавшее вслух имя заставило меня сжаться.

– Если мерять материальное богатство Риорданами, тогда я вообще нищенка, – нахмурил лоб, отвела взгляд от собеседника я, положив обе свои руки на штатив капельницы и подкатив её к себе ещё ближе.

– Знаешь, Двадцать Четыре, мне кажется, что ты слишком много думаешь. Тебе просто необходимо расслабиться, – Двадцать Шесть положил руку на моё плечо с явным намерением его пожать, но я тут же прогнулась от разлившейся в плече покалывающей боли. – Извини! – резко отдернул руку он. – Ты сегодня без повязки – я и забыл, что у тебя вывих.

– Значит, мне стоит расслабиться? – ухмыльнулась я скорее от неожиданной боли, нежели от желания улыбнуться. – Знаешь, я ненавижу число двадцать четыре. Если быть точной, тогда конкретно эту дату. Сегодняшний день... Ровно одиннадцать лет назад моя жизнь в этот день пошла наперекосяк.

– И что же случилось? – сдвинул брови Двадцать Шесть, тем самым давая мне понять, что слушает внимательно.

Что ж, по крайней мере не одна я отличалась отсутствием такта. Меня это даже порадовало.

– Машину, за рулём которой сидела моя мать, на полной скорости протаранил мусоровоз. Она и мой старший брат погибли, ещё один брат впал в десятилетнюю кому, из которой, пролежав десять лет без единого признака жизни, чудом вышел четыре месяца назад. Я же выжила, провалялась в больнице целый год и подорвала своё душевное состояние. Всё усугубляется тем, что перед столкновением я поменялась местом с братом, который, в итоге, погиб. Бонусом к этому месяц назад выяснилось, что в тот день за рулём была вовсе не моя мать, а без вести пропавшая после той аварии её сестра-близнец, о чём я, как единственная выжившая в той мясорубке, могла бы сообщить, если бы распознала подмену.

Я замолчала, и Двадцать Шесть поддерживал повисшую в воздухе тишину не менее десяти секунд.

– Ничего себе, какое у тебя, должно быть, огромное необоснованное чувство вины лежит камнем на душе, – вдруг выдал он.

– Почему это необоснованное? – сдвинув брови и посмотрев в тёмно-голубые глаза собеседника, приняла воинственную стойку я.

– Неужели непонятно? Ты должна смириться с тем, что это был не твой выбор, а выбор твоей матери, тёти, брата... Ты должна это отпустить. Просто будь им благодарна. Как думаешь, они были бы в восторге, узнав, что ты осуждаешь их выбор, который стоил им жизнью?

Не переставая хмуриться, я ещё несколько секунд смотрела на Двадцать Шесть, после чего, опустив руки вниз по холодному штативу капельницы, слегка пригнула голову и посмотрела на побелевшие костяшки своих сжатых кулаков.

Возможно, он был прав. Но он был первым, кто сказал мне об этом.

Мне необходимо было подумать над услышанным.

– И всё же, как бы глупо это не звучало, мне не нравится цифра двадцать четыре. Парадоксально, что ты меня называешь именно этой цифрой? – вновь посмотрела на собеседника я.

– Возможно, – пожал плечами Двадцать Шесть.

– У тебя есть имя? – резко заинтересовалась я, слегка расправив плечи.

– Странный вопрос, – ухмыльнулся мой собеседник. – Будто его у меня может не быть...

Во всяком случае, я знаю твоё имя.

– Откуда?

– Перестань так хмуриться, – сорвался на смешок Двадцать Шесть. – Мисс Палмер, верно? Бетти ведь только что при мне обратилась к тебе именно так. Да и я слышал, как тебя называют Ташей.

– От кого ты слышал?

Я не ожидала, что столь невинный вопрос заставит его вдруг замяться.

– Помнишь вчерашний инцидент? – почесав указательным пальцем скулу, Двадцать Шесть неожиданно ответил вопросом на вопрос.

– Инцидент?.. – сначала я не поняла, но потом мой разум словно прояснился. – А... У меня был нервный срыв, – я отвела от собеседника смущённый взгляд и, посмотрев на своё оголённое предплечье, почесала кожу возле вставленной в распухшую вену иглы. – Прежде у меня подобного не случалось... – я запнулась, вдруг вспомнив, что на самом деле – случалось. Точно случалось. Мне было тринадцать, я была на грани, и Хьюи перевели в другое крыло больницы. Меня о его переводе не предупредили. Я тогда подумала, что он скончался... Да, у меня уже однажды случалась истерика с последующим провалом в памяти. – Ну, может быть, один раз... Из-за той аварии, знаешь ли... В общем, я ничего не помню о второй половине вчерашнего дня. Помню только, что приходили родители и потом ушли, а потом... Ничего. Темнота. Случилось что-то серьёзное, да? – я отвела взгляд в правый нижний угол комнаты, подсознательно боясь услышать что-то страшное, искажающее мою реальность, то, за что мне будет по-настоящему стыдно смотреть собеседнику в глаза.

– Нет... Ничего. Просто вчера, пока тебя пытались утихомирить, я услышал твоё имя.

– Вот как?.. Выходит, что ты знаешь моё имя, но я не знаю твоего, – с облегчением выдохнув от того, что собеседник уклонился от подробного ответа, я вновь посмотрела на него и прищурилась. – Мы раньше нигде не пересекались? Просто твоё лицо мне с самого начала кажется очень знакомым.

– Меня зовут Робин, – Двадцать Шесть улыбнулся так, будто его имя должно было мне о чём-то сказать, но оно не сказало.

– Робин, – задумчиво сдвинула брови я. – Красивое имя.

– Правда? – он заулыбался ещё шире, словно я упустила что-то слишком очевидное.

– Мне нравится, – невозмутимо пожала плечами я. – Всё лучше, чем цифры вместо имени. И, если честно, Двадцать Шесть тебе ни капли не шло.

– Хах! – заинтригованно усмехнулся Робин. – Тогда какая цифра мне больше подходит в качестве имени?

– С учётом того, что наши “цифровые имена” соответствовали нашим возрастам... – я наигранно задумалась. – Восемьдесят семь.

– Что?!

– Да, Робин, – усмехнулась я, положив руку на плечо собеседника, – в моём видении ты дряхлый старик!

– Тогда тебе больше подходит цифра пять! – засмеялся он.

– Вот как? – улыбаясь, я вернула свою руку на штатив капельницы. – Обоснуй.

– Просто доверься моему чутью.

– Довериться незнакомому человеку? Едва ли!

– Говоришь так, будто у тебя нет проблем с доверием знакомым тебе людям. И потом, мы не такие уж и незнакомые. В конце концов, мы на протяжении недели ежедневно общаемся, я вытащил тебя из горящей машины. . .

– И отлил мне свою кровушку. Да-да, я всё помню.

– Только не думай, что я буду напоминать тебе об этом всю твою оставшуюся жизнь, – продолжал усмехаться Робин.

– Какую ещё жизнь? – вторила его смеху я. – Нас скоро выпишут, а судя по твоему состоянию, тебя выпишут даже раньше меня, так что нашему общению скоро придёт конец.

– Мисс Палмер, значит, – задумчиво произнёс Робин. – Выходит, ты не замужем.

– Я?! – продолжала улыбаться на улыбку собеседника я. – Замужем?! Присмотрись ко мне повнимательнее и поймёшь, что я не создана для семейной жизни. И потом, мне только двадцать четыре, – заговорила словами Нат я, – какое в этом возрасте может быть замужество? Только сумасшедшее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.